

Журбин Александр
(кампозитор)

13.07.05

18

РОССИЯ №25 (927)
общенациональная газета
7-13 июля 2005 года

КУЛЬТУРА

Россия. 2005. 7-13 июля. - с. 18

Александр ЖУРБИН:

Искусством занимаются люди не совсем нормальные

На счету композитора Александра Журбина музыка к фильмам «Эскадрон гусар летучих», «Лес», «В моей смерти прошу винить Клаву К.», «Мелодия на два голоса», «Биндюжник и король», «Московская сага», оперы, симфонии, а также эстрадные шлягеры. И для Александра Борисовича нет в этом никакого парадокса. Ведь музыка, по его мнению, всегда остается музыкой, в каком бы жанре она ни писалась.

Беседовал
Владимир Чебурахов

Остальное — дело таланта. Двенадцать лет композитор прожил в Америке, где, среди прочего, создал свой музыкальный театр и основал кинофестиваль российских фильмов в Нью-Йорке. Но работать в России оказалось для Журбина все-таки интереснее. В октябре 2005 года на ведущих концертных и театральных площадках Москвы пройдет фестиваль «Пять юбилеев Александра Журбина». В программе — симфоническая и камерная музыка, ретроспективный показ фильмов с музыкой А. Журбина, литературные вечера, программа для детей, мюзиклы и театральные постановки. Перед ЦКЗ «Россия» будет заложена именная звезда композитора.

— Александр Борисович, по вашим наблюдениям, место людей творческих профессий в американском обществе более завидное, чем в современном российском? Где художник чувствует себя более свободным?

— На самом деле, мне кажется, здесь надо четко разделить две сферы — духовную и материальную. Да, американский артист (художник, музыкант, режиссер, певец), если он работает, получает больше денег, чем аналогичного класса его коллега в России. Но там тоже огромное количество бедных артистов и других людей творческих профессий,

людей, буквально перебивающихся «с хлеба на квас», у которых в следующем месяце нечем заплатить за квартиру. Следует, правда, учесть, что подобные профессии и у нас, и у них имеют люди особенные и по стандартным меркам не совсем нормальные. Для них в сто раз важнее заниматься любимым делом (играть роль, писать стихи, рисовать картины), чем жить в роскошном доме или ездить на шикарном автомобиле. Поэтому эти люди свободны по определению — если они настоящие художники, творцы. Но отношение к творцам в России до последнего времени было гораздо более уважительным и почтительным, чем на Западе. Там у них художник-творец, будь то философ, поэт, литератор или певец, живописец, архитектор, — человек сервиса, в чью задачу входит развлекать после обеда: спеть, плясать, разяснить, что-то нарисовать или слепить. Нет, конечно, все демократично, никакой дискриминации, все равны, за столом никто у них не лишней. Но все же вся эта братия — лишь шуты, которые за деньги развлекают почтеннейшую публику. А в России поэт больше чем поэт, артист больше чем артист, певец больше чем певец — и так далее без конца. Принадлежность к миру искусства, даже на самом маленьком уровне, в глазах людей выглядит близостью к чему-то высшему, важному и сокровенному. И это для всех — от

деревенской бабки и гаишника до руководителей всех уровней. Быть Артистом (в любом жанре) в России лучше. А звездой — лучше на Западе.

— С какими известными американскими композиторами и артистами у вас были личные контакты? Какие остались впечатления от этих встреч?

— Мне довелось встречаться и общаться со многими известными деятелями американской культуры — дирижером Леонардом Бернстайном, скрипачом Исааком Стерном, кинозвездами Мартином Шортом и Джуди

Денч, режиссером Халом Принцем, певцом и танцором Грегори Хайнсом. А видеть и пожимать руку — десяткам разного калибра звезд.

Однако подружиться ни с кем не довелось. Вообще ни с кем из американцев, не только со звездами. Мне кажется, у них понятие «дружба» существует лишь формально, на уровне улыбок и фальшивого взаимного обожания и восхищения. Их главный принцип — не лезь ко мне в душу, а я не буду лезть в твою. Может, это и правильно. Но чего-то не хватает.

— Чем в творческом плане отличается создание саун-

дтрека от написания симфонии или, скажем, эстрадного шлягера?

— В кино композитор — фигура второстепенная, служебная. Если это, конечно, музыкальный фильм — тогда композитор сразу становится главным, он диктует свои условия. А в обычном кино задача композитора — постараться понять, что нужно режиссеру, и воплотить его идеи в музыкальных звуках. Композитор в кино должен прежде всего уметь ладить с людьми, находить с ними общий язык. Это бывает непросто. Ведь в кино бывает несколько сил, тянущих в разные стороны,

— продюсер, режиссер, сценарист, иногда даже оператор или ведущий актер. Все они могут лишь сказать одну фразу: «А мне эта музыка не нравится», — и сразу вся многомесячная работа композитора провалится в тартарары. Поэтому тут важно не только уметь написать хорошую музыку, но и убедить создателей фильма, что это именно то, что они ищут.

— На ваш взгляд, насколько перспективно развитие в России такого жанра, как мюзикл?

— Я уже очень много высказывался о мюзикле в России — и в печати, и по теле-

видению, и по радио. Поэтому скажу лишь кратко — время мюзикла в России еще не настало. Но оно обязательно придет. Мюзикл — искусство развитых стран. В Бангладеш и Зимбабве нет мюзиклов и вряд ли когда будут. А вот китайцы уже ставят у себя «Призрак оперы» (стоимость постановки 12 миллионов долларов). Если Россия пойдет по пути нормального цивилизованного развития, то наряду с Интернетом и поп-корном сюда придет и мюзикл. Можете называть это глобализацией. Или прогрессом. Я лично склонен ко второму.

— Александр Борисович, вы были автором первой в нашей стране рок-оперы — «Орфей и Эвридика». Как сейчас складываются ваши отношения с рок-музыкой, рок-музыкантами?

— Я никогда не был рок-музыкантом. Джаз играл, было такое. А вот в рок-группах не участвовал. Но всегда очень любил этот энергетический музыкальный жанр. И до сих пор люблю. Моя опера «Орфей и Эвридика» не является в чистом виде рок-музыкой, в ней есть много элементов от других жанров — классики, оперы, эстрадной песни тех лет. И черты рок-музыки тех лет тоже есть — немного от «Пинк Флойд», от «Битлз», от рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Это то, что я и до сих пор люблю. Новых групп почти не знаю, а то, что слушаю, мне не нравится. Из наших люблю Шевчука, Земфиру, группу «Колибри». Но слушаю редко, предпочитаю проверенное временем. Как они ко мне относятся — не знаю. В свое время я боролся с советской цензурой за то, чтобы разрешили играть «молодежную музыку» (под таким изящным псевдонимом скрывался тогда рок-н-ролл). Но я не мог предположить, что отсутствие цензуры приведет к такому разливанному морю пошлости и бескультурия...

— Сейчас много говорят об упадке культуры в России, о том, что коммерция стремительно губит культуру. На ваш взгляд, есть ли выход из создавшейся ситуации?

— Соотношение коммерции и искусства сейчас в России не выше и не ниже, чем в других странах. Маскульта и должно быть намного больше, а настоящее искусство должно где-то гнездиться и уютиться, и максимум пять процентов людей в состоянии его адекватно воспринимать. Это нормально, и ничего страшного в этом не вижу. А вот если говорить об отношениях бизнеса и искусства, о том, что российский крупный бизнес пока проявляет непростительное равнодушие к искусству, — вот здесь ситуация действительно катастрофическая. И здесь мы от Запада страшно отстаем. На Западе есть страны, где искусство активно поддерживается государством (Франция, Германия, Австралия), и есть страны, где государство дает на культуру крайне мало, но зато развита очень гибкая и эффективная система частного меценатства (США). А в России отсутствие закона о меценатстве только усугубляет катастрофу. То есть государство резко сократило свои субсидии, а частные лица еще от поддержки искусства крайне далеки. Бизнесмены не хотят жертвовать деньги на театры и оркестры, на библиотеки и музыкальные школы, потому что вместо благодарности на них «наезжают» налоговые инспекторы и начинают спрашивать: «А откуда это у вас лишние денежки, что вы поддерживаете артистов? А нас, налоговиков (то бишь родное государство), вы не хотите поддержать?» И тут у бизнесмена ручки опускаются, и ясно, что второй раз он таким меценатом быть уже не захочет. Впрочем, я неисправимый оптимист. Россия полна талантами и добрыми людьми, люди здесь морозостойчивые и крепкие, ничего их не берет. Так что мы еще увидим если и не небо в алмазах, и не сияющий чертог, то, по крайней мере, нормальное и достойное государство с высокой и изысканной культурой. Очень хочется надеяться, что «жить в эту пору прекрасную» доведется и мне и тебе... Хотя вряд ли.